

АБДУЛОВ: ИНАЯ СТОРОНА КУЛЬТУРЫ

Яшел на встречу с актером Всеволодом Абдуловым. Да, да, с тем самым Абдуловым, который играл когда-то в знаменитом спектакле с участием мхатовских "стариков" "Соло для часов с боем". И на сегодняшний день — не знаю, конечно, кому как, — но лично мне этот актер представляется как бы "последним из могикан" того, доефремовского МХАТа. Ведь ушел он из театра практически в то же самое время, когда начали уходить и сами "старики".

Сейчас уже, наверное, мало кто помнит — за исключением, разве что, театроведов и старых поклонников — немалое количество ролей в театре и кино, сыгранных Всеволодом Абдуловым. К сожалению, этот актер известен сегодня больше по фильму "Место встречи изменить нельзя", по многочисленным закадровым работам по озвучанию кинофильмов и мультипликационных лент да по немногим телевизионным интервью, связанным в основном с творческой деятельностью В.С.Высоцкого. Вот, кажется, пожалуй, и все. Все, что нам предоставляют наши средства массовой информации.

А ведь Абдулову когда-то посчастливилось не только играть в "первом театре страны", но и быть партнером по сцене таких актеров, как Б.Н.Ливанов, П.В.Массальский, В.Я.Станицын, О.Н.Андровская и многих других, чьи имена сегодня — уже сама история.

...Первое, что бросилось в глаза при входе в квартиру, — это невероятное количество кошек и собак, окружающих ее хозяйина. Правда, как выяснилось потом, когда я немного пообщался, кошек было всего пять, а собак и того меньше — две. Но, видимо, настолько неожиданной была сама картина их появления, что число семь в данном случае попросту умножилось в несколько раз.

Поэтому первый вопрос, заданный Всеволоду Осиповичу, был именно о животных:

— Почему их так много?

Несколько смущенно Абдулов ответил:

— Так это же все спасенные...

Ответ был настолько прост, что я, признаюсь, ощутил даже какое-то чувство неловкости.

В неизменном сопровождении собаки мы проходим на кухню, и беседа наша начинает понемногу склеиваться. Я слушаю Абдулова, задаю какие-то вопросы, но главное, стараясь не пропустить ни единого слова, ни одной его интонации, особенно, когда речь заходит о Художественном театре и, естественно, о тех, кто составлял когда-то его основу, — о мхатовских "стариках"...

— Когда я пришел во МХАТ, — Абдулов неторопливо подбирает слова, словно опасаясь, что может что-то недосказать или же, напротив, выдать информацию, не соответствующую действительности. — Так вот, тогда их было много, их было под тридцать человек, "стариков", народных СССР. Они были невероятно интересные люди, хотя, конечно, очень разные, своенравные и непростые. Я был тогда совсем молодой, большой искатель правды, максималист был отчаянный и ругался с ними по-страшному, и такое высказывал на собраниях, что потом мне говорили: "Ну все, теперь уж тебя точно выгонят". Но вот, несмотря на все на это, в результате как-то сложились замечательные взаимоотношения. В связи с этим я помню, что было какое-то собрание: партком, местком, и там что-то говорили о старшем поколении, среднем поколении, мо-

лодом и о том, что молодое поколение не так себя ведет... И потом уже Михаил Пантелеймоныч Болдуман сказал мне: "Севка, все это глупости. Что значит "молодое поколение", "старое поколение"? Все мы — артисты. Просто артисты разного амплуа: есть артисты на роли стариков, есть — на молодых. И не может быть такого разделения на "тех" и "этих". Все это чистый бред".

И в дальнейшем, когда их, "стариков", становилось все меньше и меньше, и приходили новые начальники, я поймал себя на том, что со "стариками" и спорить-то было интересно, не то что с последующим руководством.

— А что же это было за "последующее руководство"? — Я не удержался от вопроса, поскольку абдуловские интонации явно изменились.

— Ну, это было уже после... Ведь я пришел во МХАТ, когда театром руководили "старики", была коллегия, художественное руководство: М.Н.Кедров, В.Я.Станицын, Б.Н.Ливанов, были "старейшины", и все было как-то по-другому, живо и интересно. И даже отношения были другими. Борис Николаевич Ливанов, к примеру, был не просто огромный художник, удивительный, талантливый, это был еще и очень добрый человек. Он был вспыльчив, но и отходчив в то же время. Как-то раз случилось, что я, дурак, с ним поругался. И какое-то время мы не разговаривали. Я мучился этим, думал: зачем? ведь я ж его люблю!

И вот как-то вхожу в театр, вижу Бориса Николаевича, бросаюсь к нему: "Борис Николаевич, простите меня ради Бога!" И вдруг у того брызнули слезы из глаз, он меня схватил в охапку: "Сволочь, я ж тебя так люблю!" Заплакал... Он был очень искренний и очень

яркий человек...

Так вот, театром и руководил тогда этот триумvirат: Б.Н.Ливанов, В.Я.Станицын и М.Н.Кедров. Кедров сильно болел в то время, Станицын тоже неважно себя чувствовал, и вообще Станицын никогда не стремился к власти, к руководству, и все понимали — а это происходило в 1969 году, — все понимали, что дело идет к тому, что возглавит театр Ливанов...

— Так почему же он не возглавил?

— А его боялись.

— Отчего же?

— А он был непредсказуем.

— Вот оно что. Значит его боялись те, кто стоял у власти, на самом вершине?

— Какие "наверху"! Свои же товарищи и боялись. Тот же Прудкин, которому он помог когда-то.

— Погодите, погодите, — тут я уже перестал что-либо понимать. — Так получается тогда, что его свои же, в своем же театре и...

— Конечно. Они все собрались на квартире у Яншина...

— А, ну вот это-то история известная. Об этом много было разговоров.

— Да. Но они собрались без Ливанова.

— То есть... как?

— А так. И ведь об этом же никто не говорит.

Да, действительно. Я вспомнил, что даже в единственном упоминании об этом событии в печати, которое мне удалось разыскать (десятый номер журнала "Театр" за 1983 г., интервью М.Е.Швыдкого с О.Н.Ефремовым), говорилось лишь следующее: "Летом 1970 года театральная Москва роилась слухами. Говорили о торжественном обеде на квартире у М.М.Яншина, во время которого мхатовские "старики" пригласили Ефремова возглавить художественное руководство театра". И все. Больше никаких подробностей и никаких разъяснений.

— Но, — продолжает Абдулов, — согласитесь, что я вам рассказываю немножко по-другому.

Как тут было не согласиться?

— Так вот, они собрались без Бориса Николаевича Ливанова. И что же они решили? Они решили простую вещь: "Борис — непредсказуем. Черт его знает, что он выкинет, а там пригласим "нашего", окончившего нашу школу. Номинально он будет главным режиссером, но руководить-то будем мы, совет "старейшин".

— Позвольте, — снова перебиваю я. — Но чем же там было руководить, если в конце шестидесятых МХАТ переживал творческий кризис да к тому же еще полностью растерял своего зрителя?

Тут уже пришла очередь удивляться Абдулову:

— Простите, — в его голосе послышалось любопытство, — а кто вам это сказал?

— Ну, как кто?.. — Я занялся в поисках подходящего ответа. Дело в том, что данную информацию я почерпнул все в том же театральном журнале с авторством небезызвестного Швыдкого, где прямая речь Ефремова выглядела следующим образом: "К концу 60-х годов мхатовские лидеры той поры, каждый по-своему, в силу разных причин, ощутили кризис своего театра. В МХАТ не ходили, билеты продавали в наугрызку — это было просто стыдно".